

СОВРЕМЕННОКИ О В. И. ЛИХОНОСОВЕ

С. А. Медведева, поэт, прозаик, публицист,
член Союза писателей России (г. Краснодар)

МУЗЫКА

Виктору Лихоносову

Музыку моря услышит не каждый.

Музыку ветра — немногие.

В музыку слова

проникнув однажды,

Выплывешь с мыслями строгими.

Станешь добрее, бодрее, отважней,

Чувствами — музыкальнее,

Смело решения времени важные

Примешь, увидев зеркальное

Жизни своей и судьбы отражение, —

Это — победа, это — движение.

В. В. Личутин (писатель, г. Москва)

Виктор Лихоносов... Сейчас говорю, а у меня в глазах стоит его облик: голубые удивленные глаза, ласковая улыбка, незатухающая скороговорка — вечное удивление в рассказе, разговоре, восхищение жизнью. Не скажу, что его жизнь заладилась удачно и шла без потрясений — как и в любой русской, советской, жизни беды и лихо не миновали — но он сумел сохранить младенческую, любовную, сентиментальную душу. Такое впечатление, что когда он о чем-то говорит — на его глазах застывает слеза — застывает, да так и не стекает. У него и проза — умиления, сострадания, жалости. Проза как отражение души. Значит, и душа именно такая, несмотря на передряги, случающиеся у каждо-

го, и, особенно, писателя, с такою чувственной душою, на которую извне все направлено, чтобы прекратить этот пульс, биение сердца, закрыть писателю рот.

Я помню Лихоносова семидесятых годов по его рассказам «Чалдонки» и «Брянские». Он сразу вписался в контекст русской литературы, встав в один ряд с так называемыми «деревенщиками», засиявшими на литературном небосклоне. «Деревенщики» сумели пробить своей душевной мощью все затхлые углы городских Вавилонов и там устроиться. Самое интересное, что, создавая работы о деревне, селе, русской земле, они «устроились» в тех местах, где нет этой земли — где голый асфальт, где не видят солнца... Люди, страдающие по солнцу, по ясному небу, влюбились в эту писательскую породу: Астафьев, Белов, Распутин, Носов... Среди них оказался и Лихоносов. Он нисколько не сник в их черед, не вылинял, не поблекнул. И все эти знаменитые русские писатели охотно приняли его, как брата, как близкого родича, кровника и соратника, равного по таланту. Удивительно что он вроде бы, писал о другом, а его все залюбили. Залюбили и его творчество — и эта любовь оказалась незамираемой.

Нельзя сказать, что он писал о деревне. Он писал о состоянии народа на земле, о душевном, духовном состоянии. Он разглядел красоту простеца-человека и, имея любовное сердце, с большой искренностью полюбил таких людей. И думаю, они тоже ответно отозвались и прильнули к нему.

Его роман «Наш маленький Париж» можно назвать ученым трудом, воспоминанием о минувшем, монографией, энциклопедией казачьей жизни — масса всяких предположений напрашивается, трудно назвать его романом в классическом понимании. Обнаруживаешь, что это не «Тихий Дон», не «Поднятая целина», а нечто совсем другое. Бесспорно, это произведе-

дение — выдающееся, и, кроме Вити, кроме его влюбленного сердца, никто бы такого не сделал! Он запечатлел страницы казачества — трагические страницы — в натуральных образах, не знаю, насколько они документальны, но охотно веришь, что эти люди жили и ходили по этой земле.

Сама задача, которую он поставил в романе и журнале «Родная Кубань», — запечатлеть национальную прослойку — огромна! И это удалось. Конечно, ему должны поставить памятник на Кубани, хотя он вроде бы и пришлый человек. Он — такой бахарь, певец словесный, баюнок, который мог бы вписаться в картину Репина, где казаки пишут письмо турецкому султану: на переднем плане — тот, который пишет, должен быть Лихоносовым — там как раз его образ — или он пишет, или стоит напротив с сияющим взглядом и что-то втолковывает.

У меня такое ощущение, что, несмотря на все печали, Витя умудряется сохранить себя прежним — будто годы его не трогают. Он все такой же деятельный, всех записывает на диктофон, записывает всякие истории, им владеют какие-то мечтания, мысли и желания продлить гигантскую работу, вроде «Маленького Парижа». Такое впечатление, что он хочет создать «Наш маленький Париж» на рассказах близких ему людей. И дай Бог, чтобы задача, заполнившая его сердце, не застудила своей громадностью, и у него нашлись силы осилить такую работу. Дай Бог, чтобы образ Лихоносова застенчиво-милый, голубоглазый и улыбчивый дольше сиял на писательском небосклоне.

С. Р. Федякин (доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А. М. Горького)

Впервые с творчеством Виктора Ивановича Лихоносова я познакомился в литературном

институте. Когда я только поступил, то наивно полагал, что вся настоящая литература — в прошлом. Но на первых же семинарах по современной литературе Владимир Павлович Смирнов называл имена писателей, которых настоятельно советовал прочитать, — Лихоносов был в их числе. Тогда же он вписался в тот ряд, который я ценю и доньне.

Особенно интересна была одна из встреч с его прозой, когда я стал преподавателем и выстраивал один из курсов для студентов. Помню, открыл маленький рассказик Бориса Зайцева «Вандейский эпилог», почувствовал знакомую интонационную волну и сразу вспомнил: Лихоносов, его «Осень в Тамани». Взял книжку, начал листать... Родство меня поразило — при разной манере оба пишут как бы на одной длине волны! Лихоносов более чем на полвека моложе Зайцева, но то, что они литературные родственники, — бесспорно, хотя и довольно неожиданно. Причем можно ощутить, что каждый из них самостоятельно пришел к этой манере повествования.

Позже, узнав, что старожилы русской эмиграции — Георгий Адамович и Борис Зайцев более всех из советских писателей ценили Юрия Казакова и Виктора Лихоносова, я не особенно удивился: они не могли не опознать «своих» писателей, родственников всему тому, что они и сами ценили в литературе, когда за внешней простотой повествования ощущается и звук, и цветовая гамма. Из переписки Зайцева или Адамовича с Лихоносовым можно почувствовать: это люди, легко понимающие друг друга, и главное — понимание это не смысловое, а интонационное.

В XX веке мир слишком исказился, изменилась сама жизнь, об этом говорили многие эмигранты. Газданов, например, считал, что после войн и революций стало невозможно писать так, как писали до этих исторических изломов.

И если в старшем поколении, в их понимании мира, сохранился тот стержень, на который в творчестве своем можно было опереться, то молодым надо было что-то искать. На советскую литературу Газданов вообще смотрел как на нечто новое, непохожее на литературу прежнюю. Адамович видел, что после Гражданской войны из советской литературы ушла тема сочувствия к маленькому человеку. То есть некоторые традиции русской классики в советской литературе прервались. Тем удивительнее, что волна традиции не ушла, она зрела подспудно, чтобы вновь проявиться в послевоенные годы у некоторых писателей из СССР, и Адамович с Зайцевым, разумеется, сразу это заметили.

В русской литературе XIX века каждый крупный писатель — это целая самостоятельная традиция. В XX веке шли за Достоевским, за Толстым, в малой форме очень отчетливо влияние Чехова, Бунина, в советском варианте — Паустовского. Эпигонов было очень много, тех же, кто говорил своим голосом, гораздо меньше. И несомненная заслуга и Казакова, и Лихоносова в том, что они не только были верны традиции, но и сумели при этом сохранить собственный голос.

Повести странствий — это особый жанр: и «Осень в Тамани», и «Северный дневник» Казакова очень близки к очерку, но это уже не очерк, а что-то другое. И Пришвин в своих путешествиях на Русский Север и в Среднюю Азию находится в этом же русле. В начале века мы можем увидеть подобную путевую прозу у Бунина, ранние рассказы которого вообще близки к очерку. Родство этих писателей обнаруживается в медленном чтении: если взять книги и положить рядом — станет очевидным: это разные писатели, но они — одной природы.

Название «лирическая проза» — по-своему правильное. Здесь в центре повествования — лирическое «я», все остальное приходит в пре-

ломленном свете: через сознание автора или героя, близкого к автору. И Лихоносов, и Казаков писали о советской действительности, но интонационно они попадали в эту самую волну.

Интонация здесь — как град Китеж. Он уходит на дно Светлояра, чтобы потом «всплыть». И в наше время это может случиться. И Китеж — это не только легенда, но и особая форма жизни. Некий процесс может «погрузиться на дно», чтобы после проявиться, проступить, стать явственным. Имя Виктора Лихоносова сейчас — это то звено в традиции русской литературы, которое связывает нас с далеким и великим прошлым.

В. П. Смирнов (профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы Литературного института им. А. М. Горького)

В 60-е годы в одном из номеров журнала «Новый мир» я прочел повесть «На улице Широкой», подписанную именем Виктор Лихоносов, которое на тот момент мне ничего не говорило. Прочитав с огромным воодушевлением, я был совершенно очарован его чувством и влюбленностью в обыденную русскую жизнь. Это стало для меня открытием. Была видна чрезвычайно тонкая лирическая возвышенность, без фальши. С той поры я начал читать все, что писал Виктор Иванович. Позже узнал, что он близко знаком с Юрием Казаковым, который тоже стал для меня открытием в студенческие годы. Все это создавало нечто особенное, когда в душе что-то происходило.

Меня очень обрадовало, что его с восхищением прочитали за границей представители уже значительно поредевшей великой русской эмиграции. Особенно тронуло, что откликнулся один из талантливейших людей — Георгий Викторович Адамович. В конце 70-х годов я читал Адамовича с утра до вечера — он стал почти

всем для меня. И когда я узнал, как он отнесся к живущему в Советской России Лихоносову, воспринял это как личную удачу.

Позже, когда были опубликованы письма Адамовича (среди них и к Лихоносову), это лишний раз показало, что у Виктора Ивановича есть, как в старину говорили о Тютчеве, «патент на благородство». Благородство в художественном смысле — тонкая породистость. Я сразу почувствовал, что его проза не просто мне близка или интересна, что это нечто родное — хотя в ней описывался мир южной Россия, а я житель средней полосы.

В 2000-е годы я познакомился с Виктором Ивановичем в Переделкино у Владимира Личутина: в комнату вошел внимательный, слегка печальный человек — тот, к кому в душе своей я давно привык — он стал уже какой-то частью моей жизни. Потом были разные встречи в Москве, Вологде. Без преувеличения, он — дорогой и близкий мне человек. И стихи его, которые создали искусство Лихоносова, мне родные — я считаю их первостепенными, не единственными, но одними из главных для русской повествовательности.

Если говорить об отношении современников, то недооцененность Виктора Ивановича на Кубани связана как со столицецентризмом русской культуры, так и с общей недооцененностью литераторов по России. К примеру, на моей родине, в Твери, плохо знают или не знают Виктора Курочкина, большого поэта Николая Тряпкина, чудного лирика Владимира Соколова. К тому же, надо учитывать, что сейчас — период исторической паузы, когда народное сознание молчит. Это не значит, что в нем ничего не происходит: это как армия, потерпевшая поражение, — она должна уйти куда-то, перегруппироваться, перебинтоваться, чтобы нанести врагу смертельный удар, тем самым спасая Родину. Так и с нынешним существованием и

пониманием русского народа: все подлинное никогда и никуда не пропадает.

Блок свою величайшую речь «О назначении поэта» завершает тремя истинами здравого смысла, поклянясь высоким именем Пушкина: «Никаких особенных искусств не имеется; не следует давать имя искусства тому, что называется не так; для того чтобы создавать произведения искусства, надо уметь это делать». То, что делал и делает в искусстве Виктор Лихоносов, — никуда не денется, это можно приуменьшать, преувеличивать — внесение в мир подлинности делает ее бессмертной, она становится частью русской стихии, а русскую стихию венником, даже американским, не вымести.

Думать, что человек выбирает себе художника и искусство — наивно, это художник и искусство, если они подлинные и истинные, выбирают читателя и зрителя. Не надо забывать, что Россия пережила и переживает — она вообще могла исчезнуть, хотя это недопустимо даже представить. Как говорил один выдающийся профессор: «Нельзя Россию закопать, слишком много земли потребуется — не хватит».

**С. В. Личутиным, С. Федякиным,
В. Смирновым беседовала Н. Батраева**

О. Н. Михайлов
(писатель, критик, литературовед)

МАГИЯ СЛОВА

Это было осенью 1964 года. Александр Твардовский занимался подготовкой девятитомного собрания сочинений Бунина. Как член редколлегии он осуществлял «общее руководство», я — сверял тексты и писал послесловия к томам.

В своем кабинете, в редакции журнала «Новый мир», Твардовский обсуждал со мной состав самого «трудного», девятого бунинского тома, куда входили воспоминания, литератур-

ные статьи, эмигрантская публицистика. Когда деловая часть была закончена, он заговорил о современной литературе.

— Почитайте-ка в нашем журнале Виктора Лихоносова... Проза у него светится... — он подумал и поглядел куда-то мимо меня своими добрыми, светло-голубыми, словно заплаканными, глазами.

А в своей статье о Бунине, ставшей предисловием к собранию его сочинений, Твардовский писал: «Из совсем молодых, начинающих прозаиков, нащупывающих свою дорогу не без помощи Бунина, назову В. Белова и В. Лихоносова».

Но что означает это «не без помощи»? И как один писатель, классик, может влиять на другого, современного, советского?

Вспоминая о своих первых шагах в литературе, о литературных привязанностях, В. Лихоносов в одном из писем обмолвился: «Учиться у Бунина бессмысленно. Я просто любил его тему; я иногда влюблялся и переживал так же, как его Митя, Арсеньев; я в то время тосковал по среднерусским деревням, и Бунин подкреплял мою тоску. Я был склонен к грусти, к элегии, — все это было в рассказах Бунина. И всегда была в его вещах мелодия, тот «звук», без которого — сам признавался — он не мог написать первую строчку. Так вот музыка, тон, протяженность совпадали с настроением моей души, — и это правда, это не громкие слова. Поэтому я принимал Бунина как родного».

Музыкальность произведений В. Лихоносова, их вкрадчивое очарование и задушевная мягкость наследовали и продолжали бунинские традиции в современной русской прозе. Но только ли бунинские? В широком понимании его рассказы и повести развивали тенденции лирической прозы, обозначившиеся к концу 50-х годов такими книгами, как «Дневные звезды» О. Берггольц, «Ледовая книга» Ю. Смуула

и, конечно, «Владимирские проселки» и «Капля росы» В. Солоухина. Неслучайно все названные авторы много и плодотворно работали как поэты: они и в прозу внесли этот поэтический настрой. В. Лихоносов не пишет стихов, но именно он сумел придать лирической прозе новое качество. Его произведения вырастают как бы на границе двух разнородных жанров: рассказ-песня, повесть-поэма...

Всамомделе, что такое его «Брянские» (1962 г.), как не рассказ-песня? В рассказе этом ничего не «происходит», он бессюжетен, бессобытиен. Все направлено на создание особенного, музыкального настроения; единый лирический монолог передает внутреннее напряжение и ведет за собой читателя.

Оставаясь во власти художественного настроения, музыки слов, В. Лихоносов не шел за бунинской резкостью, определенностью характеристик, за его преимущественной внешней изобразительностью, что казалось самым заманчивым для продолжения и, скажем, надолго увлекло такого одаренного, интересного русского прозаика, как Юрий Казаков. Задача Лихоносова на первый взгляд была скромнее. Он стремился овладеть хорошей литературной школой, обращаясь за помощью не только к Бунину, но и к прозе Чехова, А. Платонова, К. Паустовского и т. д. В ходе этих исканий одни ценности, более глубокие, подлинные, укоренились, входили в «состав личности», другие, напротив, обнаруживали свою недостаточность, неспособность стать «вечными спутниками»...

Недавно, вспоминая свой разговор с Твардовским, я неожиданно услышал от Лихоносова как бы его продолжение.

— В январе шестьдесят пятого года, — рассказывал он, — в день отъезда в Краснодар, я зашел напоследок в «Новый мир» и случайно застал там Твардовского. В его кабинете я пробыл

минут двадцать. Сначала говорили о Бунине, – Твардовский как раз заканчивал вступительную статью к его собранию сочинений. «В «Брянских» чувствуется влияние Бунина», – сказал он. Я, конечно, не скрыл того, как сильно люблю Бунину, но в чем его влияние на меня, я еще и сам не знал. В первые годы студенчества я увлекался и Паустовским, читал все-все, а теперь охладел. «Может, – сказал я Твардовскому, – виной тому новые правдивые книги, новые писатели, может, это у меня временно, через год-другой пройдет, и к Паустовскому меня снова потянет?» – «Нет, – уверенно сказал Твардовский, – не сможете читать. Паустовский в своих книгах все-таки... прошел мимо жизни».

В лирической прозе, насыщенной непосредственными эмоциональными признаниями рассказчика, очень тонка, незаметна грань между красотой и красивостью, чувством и чувствительностью, драматизмом и мелодраматичностью. Лирический герой получает исключительную возможность, своего рода монополию, рассказывая «от себя» о красоте мира и людей. Благородная устремленность! Но мы знаем примеры, когда рассказ «от себя» превращался в рассказ «о себе», любование миром оборачивалось любованием собой, собственными переживаниями, тонкостью и интеллигентностью своей души. И вот уже из произведений исчезают «другие» люди, и разве только природа: лес, луг, река, море, звезды – допускаются к лирическому герою «на равных», впрочем, для того только, чтобы послужить источником новых и, безусловно, поэтических размышлений о себе самом. В итоге, все более истончаясь, такое эгоистическое искусство теряет остатки первородства, и даже слово, лишённое жизненных соков, обнаруживает свою дистиллированность, вываренность, книжность.

С Лихоносовым этого не произошло. Читая его прозу, начиная с первых рассказов, которыми дебютировал в начале 60-х годов молодой учитель с Кубани, ощущаешь ясность авторского отношения, заинтересованность в судьбах героев. Трогательна нравственная чистота, определяющая тональность этих рассказов, трогательны их герои, все больше русские женщины – жители деревни или городской окраины, работающие, много пережившие и хлебнувшие на своем бабьем веку лиха; трогательна их готовность отозваться, прийти на помощь, их неспособность причинить боль, обидеть человека. В самом незаметном, будничном взгляд рассказчика обнаруживает сокрытое душевное тепло.

А. В. Татаринов (критик, доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета)

Роман Виктора Лихоносова позволяет жителю нашего города идти по знакомым улицам и с помощью текста стирать настоящее, наблюдая за чудесными трансформациями родных мест. Вот на улице Красной, свободной от всякого лоска, энтузиасты былых времен ловят карасей, а рядом блестит болото с лягушками. Грустно торчит один-единственный керосиновый фонарь, но вскоре станет значительно уютней. Откроются новые магазины, на углу Красной и Екатерининской заработает «Чашка чая». Здесь прекрасные девушки предстанут официантками – не для наживы, а ради благотворительности. Явятся в утраченном виде Сенной и Новый рынки, иным покажется путь от вокзала к центру города. На месте одной из самых престижных школ пробьется из небытия дворец наказного атамана. Можно вынырнуть из XXI века и присесть в «Обжорке» Баграта – дешевом трактире для простых и веселых людей – для

самых разных обывателей, желающих выпить и закусить в присутствии говорливого хозяина. По улицам Екатеринодара промчатся красноармейцы и солдаты Добровольческой армии, а герои «Нашего маленького Парижа» станут более реальными, чем наши соседи и соратники по профессиональным делам.

Виктор Лихоносов написал роман – и не роман. Слишком болит в этом произведении реальность родных кварталов, старых особняков, исчезнувших трамваев, а главное – людей, которые воссозданы автором не как выдуманные герои. Как офицеры и присяжные заседатели, извозчики и гимназистки, чье место мы сейчас с вами занимаем. «Есть ли что удивительнее времени?» – спрашивает рассказчик Валентин Т. Много сказано о «самом большом горе человеческого – умирании времени». «Всепоглощающая любовь к живому – и только. И трагедия Времени», – читаем на одной из страниц «Парижа».

Время, время, время... Один рассказчик (Валентин Т.), второй рассказчик (опирающийся на рукопись Валентина), сам автор поглощены проблемой становления и исчезновения родных пространств в драматическом движении эпох. Роман Виктора Лихоносова – краснодарская версия книги «Экклезиаста». Библейский мудрец учит: познайте тщету богатства, земной мудрости и любви, прорвитесь сквозь тленное к Богу! В «Нашем маленьком Париже» тоже слышу важный призыв: поймите, наконец, относительность сегодняшней суеты и откройте для себя город в объеме его неповторимых лиц! Бог здесь – это память, ставящая четкую цель. Прошлое – да воскреснет! Но призыв не мешает постоянно слышать плач об ушедшем навсегда. Как в «Экклезиасте», здесь допускается: все может быть забыто, абсолютно все...

Л. И. Филина (студентка 4-го курса Литературного института им. А. М. Горького)

В сумрачные перестроечные годы проза Виктора Лихоносова, согретая его чутким добрым сердцем, была мостом в прошедшую эпоху. Он осветил нам путь к предкам.

«Будем же вспоминать! – приглашает настойчиво Лихоносков. – Всякое время пройдет, и всякому человеку придется оглядываться назад, туда, где уже нет никого... Временами чернел от мысли, что стараюсь напрасно. И как это связать, убедить современников в невинности своих взглядов и нужно ли вообще оборачиваться так далеко назад?»

Да, нужно, дорогой наш «певец земли кубанской»! Не одну душу Вы растревожили, Виктор Иванович.

Пристыженно думаю, как же случилось, что пришлый человек всей душой проникся к истории казачества Кубани, каждым именем дорожит, будь то атаман или простой казак, живописатель без единой фальшивой ноты Виктор Иванович Лихоносков.

А я – казачка седьмого колена – и пальцем не пошевелинула. Нет, конечно, не была равнодушной к родному городу Краснодару. Всегда, бывая в историческом центре города, с интересом разглядывала старинные особняки с сохранившимися вензелями и датами (в основном конец XIX и начало XX века); любовалась разнообразной архитектурой, фигурной кирпичной кладкой, коваными красивыми орнаментами крыльца, ворот.

А роман «Наш маленький Париж», вышедший в печати в 1989 году, до моей души не достучался – затмили перестроечные события! Заслушалась речами Дмитрия Лихачева с высокой трибуны... <...>

Я благодарна Виктору Ивановичу Лихоноскову за то, что он возвеличил историю моих предков, что раскрепостил мою душу.

**В. П. Корышова (студентка 4-го курса
факультета журналистики
Кубанского государственного университета)**

В. Лихоносков в беседе с Лидией Сычевой говорил, что «под влиянием «солженицынского времени» авторы «стали ковырять действительность, разоблачать жизнь вместо того, чтобы ею восхищаться».

В повести «Люблю тебя светло» нет этого ковыряния, разоблачения. Но есть очарование, чувства, красота. Недаром Юрий Казаков говорил, что все, созданное Виктором Лихоносовым, написано свежо и музыкально, «пронизано острой, даже какой-то восторженно-печальной любовью к человеку. Любовью <...> к закатам и восходам, к медленным рекам и полям — и к людям, живущим среди этой прекрасной русской природы...»

Еще тогда, в 1968 году, Виктор Иванович писал: «Для некоторых литература стала средством «выйти в люди». Если бы эти «выдвиженцы» только путались под ногами — ну, бог с ними. Они же лезут наперед, унижая самое дорогое и чистое...» (Этот тревожный лейтмотив — и в следующем материале нашего номера. — **Ред.**). Прошло почти 50 лет, но ничего не изменилось, по крайней мере в лучшую сторону. Мы видим, как книжные магазины заполнили опусы Толстой, Донцовой, Быкова, Улицкой и других русскоязычных авторов. <...>

«Люблю тебя светло» — повесть-размышление, повесть-сочувствие, повесть-переживание о судьбе не только С. Есенина, но и своей Родины. «Люблю тебя светло» — это еще и попытка найти себя. «Что я, кто я? Что мне назначено, по какой дороге пойду я, кто будет любить меня, кто ненавидеть?» Автор поднимает и вопросы бытия, спрашивая, «как не разбиться в жизни», «как не засохнуть»? Виктор Лихоносков призывает нас хранить традиции, помнить свою

Родину, ее историю, и, конечно, «...не донкихотствовать... не потакать улице... по мере сил способствовать осуществлению простейших бесспорных положений добра» и «любить светло». Родных, друзей, Отчизну.

**И. О. Басова (студентка 4-го курса
факультета журналистики
Кубанского государственного университета)**

С повести «Люблю тебя светло» (1968 г.) и близкой ей повести «Когда-нибудь» (1965 г.) началось мое общение с творчеством Виктора Лихоносова. В каждой строке этих произведений я увидела непосредственное приглашение к задушевному разговору и «свиданию с собой».

Родилась и выросла я в небольшой станице Новодеревянковской. Быть ей никому не известной, если бы полтора века назад здесь не родился историк, политик, экономист, автор «Истории Кубанского казачьего войска» Федор Андреевич Щербина — предмет гордости сознательных станичников, научного интереса нескольких местных трудяг-краеведов и фанфаронства гораздо большего количества карьеристов. Много лет назад Виктор Иванович Лихоносков приезжал в нашу станицу — мы проводили ему экскурсию в школьном музее Щербины. Именно тогда, не через книги, я познакомилась с писателем.

Жаль, что музея в школе больше нет. Но станица все такая же. <...>

Вслед за героем повествования задаю вопросы: узнает ли кто-то, какой я была в шесть лет, в двадцать, в сорок пять? Узнает ли кто-то, какой была, когда писала этот текст, что чувствовала, когда кроила свой рассказ, сметывала, стачивала и отглаживала? И если узнает, то вспомнит ли потом?

Большая миссия у человека — сохранить в себе, в своих воспоминаниях, мыслях, словах —

хоть кусочек времени, пусть даже своего. И каждый невольно делает это: и я, и моя поющая, жизнерадостная бабушка, и Виктор Иванович Лихонос, и путешествующий герой его повести, и Ярослав Юрьевич Белоголовый; и баба Филя, и тетя Нюша из Константиново, пережившие своего знаменитого «нежного земляка». Человека не сохранить, но в наших силах удержать на этой земле память о нем.

«Ничто не кончится прахом, мир запомнит своих певцов». По-своему, через собственную жизнь и проблемы будут помнить хранители времени — будь то соседи (навечно «древние и особенные» из-за того, что жили рядом) или музейные работники.

«Раз уж не достается протяжной доли избранникам, хоть матерям бы, Арине Родионовне или простоволосой соседке отпустил Бог бессрочную жизнь. Мы бы все-все почувствовали, глядя на них, мы бы со слезами на глазах шли к их воротам от самого края земли. Шли бы и думали: «Это еще оттуда... от е г о времени... Это еще Русь...»

Останется с читателями Ярослав Юрьевич Белоголовый — писатель, историк, последний литературный секретарь Толстого, редкий ценитель и хранитель «древних, не всеми потерянных корок России», настолько редкий, что еще плакал, читая «Отче наш». Он застал Ясную Поляну при прежних хозяевах, ему было семнадцать, когда гроб Есенина обносили вокруг памятника Пушкину. «Текли словом при Ярославе Юрьевиче те обыкновенные живущему дни, которые мне казались недавно старинными».

Нет, не уйдет в забвение и гордость России Сергей Есенин. Вспомнят и Миколу, и «дорогого гостя», и «несказанное, синее, нежное...». Потянутся к его стихам, потянутся в Константиново, потянутся к родной земле, и в ком-то «молнией в груди <пронесется> весь трепет

жизни и <захочется> быть талантливым и мудрым, чтобы все постичь, воплотить и отдать душу другому».

Запомнят хранителя времени, певца чувства и памяти Виктора Ивановича Лихоносова.

Запомним мы.

И кто-то запомнит нас.

«Что я? Кто я? Что мне назначено, по какой дороге пойду я, кто будет любить меня, кто ненавидеть?»

Однажды позову:

— Время! Иди сюда! Это я. И я помню.

Время улыбнется, и мы по-дружески обнимемся.

«Да благословит время на мудрость, и пусть поищут новые годы мне счастья — без снов, без гаданий, без надежд на чудо». ■